

Идеальный учитель

Каким представляли его в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века

Валентина ОСТРОГА,
кандидат исторических
наук, доцент

Общественная функция педагога огромна: он не только является транслятором знаний, но и персонифицирует в своей личности, поведении и отношениях с окружением духовные и моральные качества. Основой, фундаментом народного образования в Российской империи, в состав которой входила и территория современной Беларуси, была народная школа. Как отмечали современники, от учителя – души школы – зависело просвещение народа, а значит, благосостояние и процветание государства.

Учительство, которое составляло значительную часть интеллигенции Беларуси во второй половине XIX – начале XX века, играло особую роль в жизни общества. Оно никогда не было однородным. Те из педагогов, кто имел высшее и среднее образование, как правило, находили место службы в городе. Уделом других становилось село. Священник М. Родевич отмечал: в сельских школах есть «духовные, дворяне, мещане, военные, крестьяне, есть отставные полковники, майоры, принявшие православную веру поляки и лица, сложившие себя священство и монашеское звание».

Среди сельского учительства расслоение шло не только по образовательному уровню и социальному происхождению. Некоторые учителя, особенно учительницы, окончившие средние учебные заведения, в школах представлялись «барынями». Они считали себя культурными одиночками, а компанию им составляли, например, местные помещики или врачи.

Другие, преимущественно воспитанники учительских семинарий, присоединялись к среднему классу: сельским священникам, корчмарям, писарям, волостным старостам. Вместе с тем эти педагоги, в своем большинстве выходцы из народа, по-особому относились к крестьянам. Одни из них, освобожденные от призыва в армию и натуральных повинностей, вышедшие «разумными» из крестьянской академии (иногда так называли учительские семинарии), несколько свысока смотрели на свою прежнюю среду. Их приметами стали шапка с кокардой, некоторая заносчивость и скорая обидчивость, модные слова в разговоре, например «курение не тютюня, а папироски» [1, с. 78]. Но значительный контингент составляли и те, кто вышел из крестьянской среды и не захотел порывать с ней. Они учительствовали в своем уезде или деревне и практически ничем не отличались от местных жителей по мировоззрению и образу жизни, хотя по уровню образованности находились значительно выше.

Четко выделялись типы «учителя-священника» и «светского учителя». Первый имел более высокие общественно-правовой статус и материальную обеспеченность. Особенно четко эта градация просматривалась в церковно-приходских школах (ими заведовали батюшки-законоучители), где оценка профессионализма учителя всегда была весьма субъективной [2, с. 23–24].

ОБ АВТОРЕ

ОСТРОГА Валентина Михайловна.

Родилась в д. Жерствянка Поставского района Витебской области. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета (1990), аспирантуру БГУ (2004). С 1993 по 1999 год работала учителем истории и обществоведения в СШ № 2 г. Осиповичи и гимназии № 3 г. Минска. С 2004 года работает на кафедре истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета.

Кандидат исторических наук (2005), доцент (2010).

Автор около 100 научных работ, в том числе трех учебных пособий (в соавторстве).

Сфера научных интересов: история народного образования и учительской интеллигенции Беларуси во второй половине XIX – начале XX века.

Достаточно интересную классификацию, исходя из личного опыта, предложил педагог Т. Лубенец. Он выделил, во-первых, тип «безразличного учителя», который испытывал «физиологическое отвращение» к преподаванию, вследствие чего при первом же удобном случае расставался со школой. Это, как правило, «неудачники, не знавшие трудовой жизни». Дети их не любили, народ скоро забывал.

Во-вторых, учитель – «добрый малый». Одет «франтом (иногда даже в цилиндре)», ко всем добродушен, всем приятен. Народ называл таких учителей «паничами» и «барышнями». Они приносили на уроки волшебный фонарь (аппарат для проекции изображений), украшали класс картинами, устраивали вечерние чтения. Но дома сидели редко, к урокам готовились мало. В городе пользовались успехом и нередко бывали на хорошем счету у начальства.

В-третьих, довольно редкий тип «учителя-скупца (Плюшкина)», который всегда искал место с высоким окладом. На лице запечатлена подозрительность и безмолвие, всем он недоволен, завистлив. Дети занимались по истрепанным книжкам, а новые в заплесневелом виде находились в шкафу. Начальство угостит хорошим обедом, но «ни за что не зажжет свечи, если на небе светит луна».

В-четвертых, самый распространенный тип «учителя-хозяина». Он «вечный хлопотун»: мыл и белил школу, занимался ручным трудом, пчеловодством. Выучка и порядок у него на первом месте. От таких учителей все в восторге: и начальство, и дети, и крестьяне.

В-пятых, достаточно вредный для школы тип «учителя-практика». На первый взгляд они весьма услужливы, а на деле – сухие и бесчувственные. К занятиям и школе относились формально и безразлично, с трудом достигали удовлетворительных успехов. Когда «повышение не дается, то не останавливаются ни перед какими средствами: готовы предать товарища по службе, насплетничать».

В-шестых, «симпатичный тип учителя-идеалиста», широко распространенный в

▲ «Приезд учительницы в деревню». Художник В. Маковский. 1897 год

1870-е годы. Он на учительскую деятельность смотрел как на красивый подвиг (например, «генеральская дочка, которая бежит из дома и становится народной учительницей»). Они только и думали о просветительной работе. Это люди, перед которыми хотелось преклоняться. Но далеко не все из них могли устоять перед тяжелыми буднями службы.

И, наконец, новый тип и, безусловно, желательный – «учитель – общественный деятель». Такие обладали большим запасом энергии, выход которой искали в служении делу просвещения: организовывали народные чтения, вечерние классы, библиотеки, а также активно участвовали в потребительских лавках, народных банках и др. [3, с. 26–28].

В 1910 году виленский губернатор во время поездки «определил особый тип сельского учителя, характерные особенности которого наводят на размышление». Раскрывая революционные настроения учителей, губернатор делает вывод, что «влияния их на окружающую среду могут принести огромный вред». Вместе с тем учителя в своем абсолютном большинстве несли светоч знания в темные массы, были преданы делу просвещения и отдавали свои силы на борьбу с народным невежеством. Этот тип современники смело называли «богатырями, совершающими подвиги не на поле бранном, а в людях».

Идеал народного учителя представлялся российскому школьному руководству в виде скромного труженика на ниве народного просвещения, который хорошо осознает важность учительского долга и преданно служит церкви и царскому трону. Министерство народного просвещения стремилось дать народной школе послушного самодержавию учителя, который обладал бы элементарными знаниями, был бы выходцем из крестьянской среды, где ему потом и предстояло работать [4, с. 138]. Основной задачей преподавателей всех типов учебных заведений считалось проведение в жизнь государственного курса путем выполнения строго фиксированных функциональных обязанностей. Учителя средней школы царизм стремился превратить в послушного чиновника, «человека в футляре».

У самих педагогов отношение к профессии складывалось через призму «чувства долга». При таких условиях учительская должность являлась не более как средством избежать голодной смерти или черного труда, а многие ей дорожили только до тех пор, пока не появлялось другое, более выгодное место. Профессия народного учителя требовала жертвенного отношения: отказа нередко не только от семейного счастья, но и добровольного согласия на низкий уровень жизни. Все попытки общественности и власти как-то решить проблему повышения учительского статуса посредством достойного материального вознаграждения закан-

чивались лишь незначительной добавкой к жалованью, но чаще упованием на стойкость учительских душ. Это означало консервацию имиджа учительского труда на константном низком уровне.

Все попытки учительства стать активной доминирующей силой общества и таким образом оказывать влияние на властные структуры были обречены на неудачу. Учительская общность создавалась как орудие в чужих руках, привыкала действовать в условиях бюрократической опеки и на основании «циркуляров» из центра [5, с. 19–20].

«Слишком поверхностно знакомо наше общество с условиями деятельности педагога, слишком замкнуто наше школьное дело и слишком далеко и обособлено стоит оно от жизни», – отмечал деятель народного образования М. Лысковский. От учителя требовалась безупречность не только при исполнении своих обязанностей, но и в частной жизни. Общество «вторгается со своими требованиями в его частную, интимную жизнь, оно считает себя вправе бесцеремонно, во всякое время дня и ночи, без предварительного уведомления входить в дверь его жилища и контролировать его поступки и образ жизни; оно считает себя полноправным судьей над ним, оно не стесняется затрагивать и бередить больные места его души, которые он, со своей стороны, не смеет скрывать и таить от него».

Материальная необеспеченность очень невыгодным образом отражалась на положении педагога в обществе. Учитель, неизбежно страдая, избегал общения и сближения с людьми, равными ему по образованию и принадлежавшими к его кругу, но отличавшимися большим достатком. В такой компании он чувствовал себя неловко, неуверенно, держался на втором плане и часто ловил «полуснисходительный, полупрезрительный взгляд» свысока «людей, шире понимающих жизнь и ее задачи, взгляд как на чудака-оригинала... закрывшегося, как улитка в своей скорлупе, а поэтому являющегося, по их понятиям, существом низшего порядка» [6, с. 83].

▼ «Сельская бесплатная школа». Художник А. Морозов. 1865 год

В своих воспоминаниях учитель А. Петрищев подчеркивал: «В обществе мы почти не бываем: она (жена) – потому, что нет выходных костюмов, я – потому, что здесь без жены бывать не принято. Да и бывать – значит приглашать к себе, а такой роскоши мы позволить не можем». Положение учителя гимназии обязывало держать прислугу, и бывая в церкви, «положить в тарелку не меньше гривенника», а во время исповеди не меньше двух рублей и т.д. «Этим я покупаю то внешнее и условное уважение к моей особе, отсутствие которого делало бы мне еще больнее, чем теперь». В обществе сложилось мнение, согласно которому «считается неудобным, если учительница имеет легкомысленный светский вид. Даже в парадных случаях жизни должна надевать платье из материи гладкой, без рисунков и, по возможности, темной окраски, и отнюдь не модных покровов». Ленты и другие украшения допускались в очень ограниченном количестве. Прическа должна быть гладкой – очень нехорошо, если учительница позволяла себе «завиваться». Таким образом, «лишь специально для учительниц признается предсудительным иметь внешность, привлекательную для молодого человека, последствием чего может быть замужество». Считалось: «вступление в брак совершенно несовместимо со званием учительницы», «учительница совершенно неблагонадежна, если является в класс беременной». Такая точка зрения была равносильна «полному запрещению замужества». Замужество учительниц было ограничено и циркулярными предписаниями учебного начальства (правда, с большим пониманием относились к женщине, если ее супруг был, как и она, педагогом). Учителю жениться не запрещалось, однако и его внешний вид был «упорядочен» и обычаем, и прямым требованием начальства. Для преподавателей средних учебных заведений, состоящих в классных чинах, ношение форменной одежды было обязательным. Считалось нехорошим тоном, если неформенная одежда светлых тонов – предпочтение отдавалось темной, в первую очередь темно-серой, «в край-

них случаях с легкой искрою». Галстук также должен быть черным, допускался и белый, но яркие и пестрые осуждались и назывались «бабьими подвязками». Труднее всего было вести некоеобразие в ношении одежды среди сельских учителей: очень часто «одетое составляло весь гардероб». Не одобрялся костюм яркого цвета или «слишком франтовского вида», критиковались «народнические костюмы», «пинжаки» и «манишки» [7, с. 172–175, 195–196].

Народный учитель Н. Реморов с горечью вспоминал: «...Сколько разных неприятностей приходится нам терпеть от обывателей, не говоря уже о людях, облеченных известною властью. Ведь сельского учителя считают все за «ничто», – и кто только не издевается над ним. И сельский староста, и волостной старшина, даже простой деревенский мужик – все считают себя выше народного учителя и все признают за собой право поучить нас, как надо жить и что делать. Справедливо говорю, что нами не помыкает разве ленивый... Материальные страдания еще больше возвышали мою душу и заставили смотреть на свою должность как на особый, святой подвиг». Поэтому, как отмечал педагог, многие его институтские товарищи переменили учительские должности на другие, более выгодные в материальном отношении: кто занялся торговлей, кто поступил в волостные писаря, кто в письмоводители к становому приставу, а один даже стал «акцизным надзирателем» [8, с. 11–12].

К родителям учеников и к крестьянам учитель должен был относиться дружелюбно, не избегать их, но и не сближаться. Официально ему не запрещалось «быть в народе», но, как сообщал «Белорусский учительский вестник», «достаточно будет, чтобы написал батюшка, волостной писарь, урядник и другой начальству учителя, что он водится с мужиками: не одобровать, в лучшем случае перебросят в иное училище, на другой край губернии». Волостной писарь являлся настоящей властью в деревне, и от него во многом зависело обеспечение школы и самого

учителя: «добро тому учителю, кто водит дружбу с волостным писарем – иначе урежут, да так коротко, что сам будет дрова рубить, школу топить, воду носить и, вообще, не сладко жить» [9, с. 12].

Известный педагог Н. Никифоровский отмечал, что в учителе крестьянин часто ценит «побратимство». Чтобы приобрести среди крестьян полезную популярность, он должен стать гостем кабака, посещать пирушки, а бывая на собраниях, вымаливать себе помощь. Но популярность можно было завоевать и несколько иным способом. По воспоминаниям И. Горбачевского, учитель Николай Иванович из Витебской губернии не только учил детей, но и имел большое влияние на их родителей и все взрослое население деревни. Важную роль он отводил трудовому воспитанию и распространял среди народа знания о рациональном ведении хозяйства. Он рядом с училищем посадил сад, огород, купил несколько ульев пчел. Жена учителя начала привлекать к школе девочек, учить их рукоделию, домоводству, правильному уходу за маленькими детьми. Это значительно сближало школу с деревней, повышало ее авторитет. Благодарные ученики часто приходили к бывшему учителю, считая это даже своей обязанностью [10].

Заметно повышала статус сельского учителя общественная деятельность. Многие учителя при помощи священников в воскресные дни организовывали для взрослого населения беседы на религиозные темы, демонстрировали «туманные картинки с помощью волшебного фонаря», вели пропаганду трезвого образа жизни. Такую же работу проводил и учитель Слободской школы Вилейского уезда. 30 местных крестьян «дали подписку, что водки пить не будут, при этом они просили, чтобы учитель постарался открыть у них общество трезвости, и обещали, что будут распространять среди людей те добрые мысли, которые от него слышали» [11, с. 4]. Для многих крестьян учитель становился самым лучшим советчиком, временами – судьей и даже «лекарем».

По наблюдениям Н. Бунакова, крестьяне хвалили того учителя, который

«и не бьет, а его слушают больше: он как с родным обойдется, и дело лучше», который «глянет только, и его слушаются; личности его повинуются, а не строгости». Осуждался учитель, который был жесток с детьми, бил или унижал их, поручал одному ученику надзор за другими. В деревне не любили и того, кто делал заметное различие между детьми зажиточных и бедных родителей, больше заботясь о первых, нежели о вторых.

Большинство крестьян «одинаково ценят хорошего учителя и хорошую учительницу, но все-таки замечают разницу: мужчина для училища лучше тем, что у него строже, и занятия лучше; учительницу плохо слушают, и они (дети) с ней смелее, как дома: при матери крик, шум, а как пришел отец, так и притихли... Ребята женщину больше любят – она с ними тише и ласковей» [12, с. 10]. Иначе воспринимали появление учительницы те крестьяне, которые считали эту профессию исключительно мужской. Источники сохранили много свидетельств негативного взгляда на педагогическую деятельность женщин. Крестьяне просили дирекции присылать учителя, а в приговорах волостных собраний звучали и такие решения: «Жалования учительнице не добавлять, но если будет нам назначен учитель, в котором население волости имеет крайнюю необходимость, то мы выделим ему и 300 руб.» [13, л. 57].

Несомненно, женщинам значительно труднее было работать и заслужить доверие со стороны местного населения и священника. Так, про двух сестер Марию и Людмилу Полянских в 1910 году багюшка писал, что «за год ни разу не были в церкви... вели оморальный образ жизни, пропагандируя народу безбожье и навязывая учение Дарвина» [14, л. 20]. Такие укоры обычно объяснялись тем, что учительницы, в отличие от учителей, не могли организовать церковный хор. Но между учительницами и священниками часто налаживались и дружеские отношения. Так, священник А. Смолич положительно отзывался об учительнице В. Кутасовой с Туринского училища Игуменского уезда: «четверть века с большой энергией, без-

устално работает на ниве просвещения родного народа, не смущается ни трудных материальных условий, ни большого количества учеников (до 100 человек)... это заслуга, это большой подвиг, достойный как моральной поддержки, так и улучшения материальных условий существования». А. Смолич просил удостоить ее заслуженной награды [15, л. 54].

Относительно профессиональной пригодности женщин-учительниц у министерских чиновников были свои соображения. По наблюдениям инспекторов, они часто оказывались более способными в отличие от учителей. В положении 1874 года отмечалось, что «встречаемая часто среди учителей неудовлетворенность своей судьбой и желание изменить ее совсем не составляет отличительной черты учительниц по той причине, что перед женщиной открыто значительно меньше дорог, чем перед мужчиной, и между ними преподавание в народных школах принадлежит к числу лучших». Кроме большей привязанности и призвания, в большинстве случаев учительницы «представляют еще преимущество более ласкового, терпеливого обихода с учениками, большей привычки к порядку и аккуратности, меньшей склонности к усвоению тех темных сторон сельской жизни, от влияния которых не всегда, к сожалению, остается свободным учитель». Но при определенных обстоятельствах учитель-мужчина имел преимущества там, где население было настроено резко против женщин, необходима была особая твердость в поддержании школьной дисциплины и где желательное развитие таких ремесел, обучение которым мог взять на себя только представитель сильного пола.

По-разному относились к учителям и дети. Сельский учитель П. Вересов с позиций 30-летнего собственного опыта с ужасом вспоминал о своем первом учителе школы грамоты, которого «кормили и одевали понедельно наши родители». Он «сидел в заднем углу избы и обыкновенно плел берестяные лапти на продажу. Подле него на лавке лежала довольно длинная берестяная плетка – указчица и вдохно-

▲ Классные надзиратели мужской гимназии г. Минска

вительница наша, в случае надобности возбуждавшая наше внимание к мудрой науке. ...Все ученики с первого же дня почувствовали полное отвращение к азбуке и учителю. Меня ныне удивляет, каким образом мы, будучи восьмилетними и девятилетними детьми, могли вынести пытку, которой нас подвергали» [16, с. 51]. Совершенно иным был молодой учитель И.Ильин, работавший в Васильевской школе в 1890-е годы. Он «принес в школу новые настроения, свободнее вздохнули ученики. Он не ставил ребят на колени... стремился расширить убогую школьную программу. Жадно слушали школьники его рассказы по географии, естествознанию и истории. Иван Ильич прекрасно играл на скрипке... и вместо псалмов он начал разучивать с ребятами народные песни» [17, с. 5].

В мемуарах и воспоминаниях учителей XIX – начала XX века звучит много критики в адрес средней школы, в которой царили формализм и зубрежка. Введение классической системы образования создало атмосферу определенной враждебности и отчуждения между обществом и школой. Руководство гимназий в первую очередь было озабочено сохранением порядка и спокойствия в учебных заведениях, строгим и неукоснительным выполнением всех предписаний и правил. В литературе подчеркивается: часто «родители смотрели на педагогов

как на врагов своих детей, избегали с ними сношений». Не удивительно, что и «педагогический состав совершенно обезличенный и систематически отученный в течение долгих лет от всякого живого педагогического рассуждения, и что школа, сама обезличенная во всей своей совокупности, могла готовить и выпускать только обезличенных же учеников» [18, с. 72]. Один из учащихся писал: «Ни ненавидим, ни презираем мы своих педагогов, а не знаем и не хотим знать их, потому что не люди, а машины...». Отзыв, конечно, резок, но настроение его часто соответствовало состоянию учащихся.

Ученики мечтали о достаточно близких и неофициальных отношениях, чтобы «видеть в учителе не строгого дядьку, а скорее старшего брата или друга, у которого можно найти посильный ответ на все волнующее молодые души», чтобы в школе учителями были «живые люди,

признающие человеческое достоинство и в учащихся» [19, с. 153]. И, безусловно, реальные шаги в этом направлении были сделаны. Например, в начале XX века «отличительной особенностью» системы воспитания Бобруйской прогимназии явилось «стремление устранить наложение наказания на учеников, пользоваться в широких размерах разъяснениями проступков учеников и убеждением их поступать хорошо, вообще, более сердечное отношение к ученикам». Практика показала, что такой подход уменьшил количество проступков учеников в сравнении с предшествующими годами в два раза [20, л. 163].

Повышению статуса учителя в глазах учеников способствовали не только «сильный ум», «знание предмета преподавания и оригинальность методики», но и «умение пробудить любовь к науке». В центре внимания находился личный пример учителя, его моральные качества и жизненная позиция, инициативность и способность мыслить творчески. Такие педагоги не ограничивались только проведением учебной работы, но и организовывали интересные воспитательные мероприятия: литературно-вокальные вечера, беседы, экскурсии и прогулки, создание школьных музеев и выставок, встречи с интересными людьми. К сожалению, огромное количество этих людей, скромно и ответственно выполнявших свою работу, остались неизвестными. Сохранившиеся источники позволяют вспомнить сегодня И. Капризова, В. Кутасову, И. Авсюк, М. Крук, Г. Фамюка, И. Стецкого, М. Медведкову, Ю. Зайца, Ф. Дроздецкого, К. Мицкевича (Я. Коласа), А. Ярославцева, К. Тихомирова, Н. Никифоровского, А. Сапунова, В. Красовского и др.

В 1905 году неизвестный учитель писал о коллегах: «Это были светочи среди мрака, которые распространяли вокруг себя если не особенно яркий, то, во всяком случае, животворный свет». Лучшая, прогрессивная часть учительства даже в тех нелегких условиях самоотверженно трудилась, воспринимая свою деятельность как долг и служение народу. ▀

ЛИТЕРАТУРА

1. Родевич, М. Белорусские народные школы / М. Родевич. – Б.г. Б.м. – 119 с.
2. Д. и К. Из жизни церковно-приходской школы / Д. и К. // Голос учителя. Сборник 1: издание учителей и учительниц Витебской губернии. – 1908. – С. 22–30.
3. Лубенец, Т. Народные учителя / Т. Лубенец // Русская школа. – 1912. – № 3. – С. 24–36.
4. Снапковская, С.В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв. / С.В. Снапковская. – М.: УРАО ИТИП, 2011. – 308 с.
5. Неупокоев, И.В. Учительство Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX века как социально-профессиональная группа: автореф. дис. ... канд. ист. наук / И.В. Неупокоев – Курган, 2006.
6. Лысковский, М. Взгляд на педагога в современном обществе / М. Лысковский // Русская школа. – 1900. – № 1. – С. 79–91.
7. Петрищев, А.Б. Заметки учителя / А.Б. Петрищев. – СПб.: Знание, 1905. – 411 с.
8. Реморов, Н. На ниве народной: воспоминания, наблюдения и заметки школьного учителя / Н. Реморов. – СПб.: Вера и Знание, 1906. – 110 с.
9. Н. С.-к. Опыт обзора деятельности Могилевского земского управления в деле народного образования / Н. С.-к. // Белорусский учительский вестник. – 1910. – № 5. – С. 6–13.
10. Гарбачэўскі, І.Д. Сельскі настаўнік / І.Д. Гарбачэўскі // Адукацыя і выхаванне. – 1992. – № 5. – С. 113–115.
11. З Беларусі і Літвы // Наша ніва. – 1909. – 9 красавіка.
12. Бунаков, Н. Сельская школа и народная жизнь: наблюдения и заметки сельского учителя / Н. Бунаков. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная сила», 1906. – 229 с.
13. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 2254. – Оп. 2. – Д. 283.
14. НИАБ. – Фонд 2254. – Оп. 2. – Д. 678.
15. НИАБ. – Фонд 458. – Оп. 1. – Д. 240.
16. Вересов, П. Из тридцатилетней жизни сельского учителя / П. Вересов // Русская школа. – 1904. – № 5/6. – С. 51–74.
17. Розова, С. Полвека в школе / С. Розова. – М.: Молодая гвардия, 1954. – 64 с.
18. Капнист, П.А. К вопросу о реорганизации среднего образования / П.А. Капнист. – СПб., 1901. – 107 с.
19. Алешинцев, И. Хорошие и плохие учителя, по мнению учащихся в средней школе / И. Алешинцев // Русская школа. – 1907. – № 3. – С. 143–155.
20. НИАБ. – Фонд 476. – Оп. 1. – Д. 61.